

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Дюрина Юлия Михайловна

Категория залога в современном турецком языке

Направление: 032100 «Востоковедение и африканистика»

Выпускная квалификационная работа бакалавра

(Профиль: *Тюркская филология*)

Научный руководитель: *к.ф.н., Матушкина Н.А.*

Рецензент: *к.ф.н., Дубровина М.Э.*

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Предисловие	3
Введение	5
Подходы к интерпретации понятия «залог»	16
Взаимно-совместный залог.....	25
Понудительный залог	30
Страдательный залог.....	35
Возвратный залог	39
Заключение	41
Список сокращений	42
Список литературы.....	43

Предисловие

На протяжении последних десятилетий категория залога довольно часто становилась предметом исследований специалистов как в общем, так и в тюркском языкознании. Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что не всегда взгляды, сформировавшиеся на материале флективных индоевропейских языков находят подтверждение в системах, в частности агглютинативных тюркских языков. Дальнейшие исследования в области необходимы для уточнения представлений о системе и структуре языков в целом. Кроме того, актуальность настоящего исследования определяется высокой употребительностью залоговых форм глагола в строе всех тюркских языков.

Объектом исследования настоящей работы является категория залога в современном турецком языке.

Настоящая работа преследует цель исследовать функциональное предназначение, структуру семантики и состав залоговых форм глагола современного турецкого языка в синхронном аспекте.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. освоить в качестве фактического материала для исследования литературные произведения на современном турецком языке;
2. ознакомиться с научной литературой, как по общему, так и по тюркскому языкознанию, с целью вхождения в круг лингвистических проблем, связанных с темой настоящего исследования;
3. на основании фактического материала описать возможные смыслы залоговых форм, привести примеры, иллюстрирующие эти смыслы;

4. сделать попытку теоретического осмысления многообразия значений форм категории залога.

Принципы и методы исследования, использованные в настоящей работе, опираются на богатый опыт синхронного изучения категории залога в тюркских языках, а также на необходимость осмысления функционально-семантических особенностей рассматриваемой категории.

В качестве иллюстративного материала в настоящей работе используются произведения художественной литературы современных турецких авторов: Orhan Pamuk «Masumiyet müzesi», Elif Şafak «Aşk», Ahmet Ümit «Patasana». Также привлекались материалы из грамматик по турецкому языку.

Введение

Для решения поставленных в настоящей работе задач представляется необходимым изложение теоретических положений, принципов, категорий и понятий, применяемых автором в рамках функционально-семантического подхода к фактам современного турецкого языка.

Содержательная трактовка важнейшего для лингвистики понятия *язык* происходит путем последовательного отграничения этого понятия от понятий *речь* и *мышление*. Идея о необходимости стремления к разграничению понятий *язык* и *речь* была высказана еще И.А. Бодуэном де Куртэне и продолжена Ф. де Соссюром.

«Язык (языковая система) как объект науки должен рассматриваться, прежде всего, как явление объективное. Так же, как психика человека в целом, как мышление, сознание, язык – атрибут субстанции, функция, свойство, способность человека, который является субъектом мыслительной и речевой деятельности, представляет собой объективное, материальное и в то же время общественное по своей сути существо»¹.

Чрезвычайное научное значение имеет разработанное И.А. Бодуэном де Куртэне представление о языке как об онтологической реальности. Он отмечает, что «язык – психическо-общественное явление»², «вся основа языка насквозь психична»³, «существование языка возможно только в обществе»⁴. При этом возникает язык, как и все другие знания, «путем междучеловеческого общения» и «имеет только тогда цену, когда служит целям взаимного общения между людьми».⁵

¹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990. С. 5

² Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 174.

³ Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 169.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990. С. 18.

Согласно Ф. де Соссюру, язык – «это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе»⁶.

Идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра и многих других лингвистов получили развитие в трудах Г.П. Мельникова. В его трактовке язык – это знание, объект с идеальной субстанцией, состоящий из идеальных единиц – монем, которые, в свою очередь состоят из образов (значений и образов знаков), которые могут вступать в ассоциации и включаться в сеть взаимных отношений, составляющих структуру языковой системы.⁷

В настоящей работе *язык* – «языковая система, заключенная в индивидах, членах одной языковой общности, которая мыслится как знание, идеальный по своей субстанции объект»⁸. Языковой механизм – это специализированная область мышления, участвующая в коммуникации, механизм, участвующий как в порождении и восприятии знаков, так и в построении и истолковании высказываний.⁹

Обращаясь к вопросу о соотношении языка и мышления, мышление – это познание и прогнозирование состояний среды, выбор форм результативного поведения в этой среде с помощью конкретных и абстрактных образов объектов среды и образов смены внутренних состояний индивида в его сознании. Мыслительная деятельность индивида, направленная, например, на прогнозирование состояний внешней среды, не требует участия языка и речи. Она

⁶ Соссюр Ф. де. Труды по лингвистике. М., 1977. С. 52.

⁷ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 260.

⁸ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С. 21.

⁹ Там же. С. 22.

не должна смешиваться с коммуникативной – вспомогательной частной деятельностью, которая возникает как средство обмена индивидуальным опытом. Однако обратное не верно - коммуникативная деятельность невозможна без мыслительных процессов.¹⁰

Мышление – активное отражение человеком объективной действительности. Единицами мышления являются образы, следовательно, языковая система как область мышления образна по своей природе, а ее составные единицы представляют собой обобщенные образы, абстракции различных уровней, которые являются результатом отражения объективной реальности.¹¹

В рамках функционально-семантического подхода к языку признается необходимость в разграничении двух тесно взаимосвязанных объектов – языка и речи.

По Ф. де Соссюру «язык не деятельность говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность. Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума».¹² «Язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка».¹³ Язык и речь «несомненно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою

¹⁰ Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 274-275.

¹¹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С.26.

¹² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52

¹³ Там же. С. 47

очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку...Язык одновременно и орудие, и продукт речи».¹⁴

В настоящей работе *речь* понимается как знак или развернутая во времени и пространстве комбинация, линейная последовательность знаков, выступающих в функции репрезентантов какого-либо мыслительного содержания, материальное звено коммуникации. Коммуникативными единицами речи, то есть отрезками речевого потока, для которых характерна смысловая целостность, законченность, являются *высказывания*.¹⁵

Знак- это физическое образование, производимое человеком с помощью физиологических и физических средств и воспринимаемое посредством органов чувств, которому в психике каждого члена данной коммуникативной общности соответствует гомоморфный социальный образ (образ знака, «языковой знак»). Знак, являясь компонентом речи, связан с языком через свой идеальный образ, «языковой знак», который является компонентом монемы, и, таким образом, сам связан с другим социальным образом - языковым значением, семантемой. Другими словами, *знак* является материальным репрезентантом идеальных языковых единиц, значений.¹⁶ Знак, участвующий в акте коммуникации, выступает в качестве репрезентанта не только языковых значений, но и какого-либо мыслительного содержания.¹⁷

Для обозначения минимальной двусторонней единицы языка в настоящей работе используется термин *монема*, который впервые был предложен А.Мартине.¹⁸

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С.23-24.

¹⁶ Там же. С.23.

¹⁷ Там же. С.23.

¹⁸ Мартине А. Основы общей лингвистики. М., 2009. С. 34-35.

Языковые значения – это специализированные абстрактные приспособленные для осуществления коммуникации мыслительные образы, вступающие в окказиональную или узуальную связь с неязыковыми мыслительными образами.¹⁹ Значения как собственно языковую семантику необходимо отличать от неязыковой семантики – смыслов. *Смыслы* – единицы мыслительного содержания, которое передается в актах коммуникации посредством языковых и речевых средств. Языковые значения, представляя собой самостоятельные скрытые от непосредственного наблюдения субстанции, проявляют себя в актах коммуникации через передаваемые ими смыслы.²⁰ При анализе речевых единиц с целью познания языка, необходимо выявлять значения и отделять их от смыслов, для того чтобы избежать смешения языка и мышления.²¹

Образ знака связывается со смыслом посредством значения. Так как значение связывается со смыслом на основе ассоциации по сходству, то одно значение, а через него – один знак, может ассоциировать с безграничным количеством смыслов, имеющих в себе основание сходства. Смысл – абстракция, мыслительная единица, объект, который обслуживается средствами языка в актах коммуникации, но имеет самостоятельное существование и независимые от языка функции.²²

Предполагается, что между означающим (образом знака) и означаемым (значением) существует *устойчивая* ассоциативная связь. Однако поскольку значения образны по своей природе, они способны вступать со смыслами в *окказиональную* ассоциацию по сходству и, благодаря этому, служить намеком на

¹⁹ Там же. С.31.

²⁰ Гузев В.Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. 1985. №2. С. 5.

²¹ Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 4.

²² Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 273.

смыслы. Таким образом, в актах коммуникации между означающим и означаемым помимо отношения «означения» существует еще отношение «намекания».²³

На основе коммуникативных функций языковых значений необходимо выделить их важнейшие разновидности.

Вещественные значения – значения, репрезентирующие смыслы, которые составляют основное содержание передаваемой мысли.²⁴ Моне́мы, имеющие вещественные значения, именуются *знаменательными*.

Знаменательные моне́мы, в свою очередь, делятся на классы, части речи. В основе такого деления лежат абстракции, отражающие такие общие свойства элементов, явлений объективной реальности, которые позволяют носителю языка различать эти элементы как предметы, действия, признаки, обстоятельства, количества. Значения монем, выражением которых являются «предметность», «процессуальность», «качественность», «обстоятельственность» или «количественность» являются *классифицирующими*. Классифицирующие значения, относя монему к тому или иному лексико-грамматическому классу, определяют ее способность подвергаться преобразованиям, целью которых является создание новых лексических единиц в языке или словоформ в речи. Таким образом, эти значения неразрывно связаны с грамматическим (морфологическим) устройством языка, что позволяет говорить о классифицирующих, как о разновидности грамматических значений.

Служебные значения – те значения, которые не принадлежат к числу вещественных и, шире, лексических знаменательных значений данного языка и передают имеющую дополнительный характер информацию о свойствах и связях

²³ Там же. С. 283.

²⁴ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С. 32.

элементов объективной действительности, отраженных в знаменательных лексических значениях.²⁵

Несамостоятельные значения – служебные и лексемообразовательные. Их носители – средства технического преобразования слов. 4 разновидности несамостоятельных значений: 1) служебные лексические (для тюркских языков - послелогов, союзов, частиц); 2) словообразовательные лексические (глаголы-модификаторы в составе сложных глаголов); 3) служебные грамматические (словоизменительные); 4) служебные словообразовательные (например, аффиксы глаголообразования).²⁶

На основании вышеизложенного, можно заключить, что существует три разновидности лексических значений: 1) знаменательные (сочетание вещественных и классифицирующих грамматических); 2) служебные; 3) лексемообразовательные. Таким образом, под *лексемой* может пониматься монема, обладающая одним из этих трех значений.²⁷ Таким же образом следует различать три разновидности грамматических (морфологических) значений: 1) классифицирующие; 2) служебные (словоизменительные); 3) лексемообразовательные. Следовательно, монема, имеющая одно из этих трех значений может обозначается термином *морфема*.²⁸

Лексемообразовательные значения - значения, которые сочетаясь со знаменательными лексическими значениями, преобразуют последние в такой мере, что те становятся образами иных элементов объективной действительности, иных реалий.²⁹

²⁵ Там же. С.33.

²⁶ Там же. С. 35.

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ Там же. С. 36.

²⁹ Там же. С.34.

Грамматические значения – значения, которые так или иначе принадлежат к морфологии.³⁰

Морфология – фрагмент грамматики, включающий две языковые подсистемы: одна распределяет лексические единицы по лексико-грамматическим классам, вторая «ведает» техническим преобразованием слов, производимым с содержательно-коммуникативной и/или формально-грамматической целью.³¹ Что касается технического преобразования слов, то это такая разновидность преобразований, которая носит регулярный характер и представляет собой совокупность устоявшихся, отработанных языком способов ограниченного видоизменения, модификации слов.³² Механизм технического преобразования морфологического фрагмента языка включает в себя две подсистемы: словоизменение и лексемообразование.

Лексемообразование – одна из подсистем языковой системы, представляющая собой совокупность языковых средств, используемых для создания монем с новым лексическим значением на основе уже имеющихся в языке лексических единиц.³³

Словоизменение – совокупность языковых средств, используемых при порождении речи для производства разнообразных словоформ, техническое преобразование слов при котором происходит сопряжение лексических значений со служебными или одних служебных значений с другими.³⁴

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ Там же. С.35.

³² Гузев В.Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. 1985. №2. С. 6.

³³ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С. 39.

³⁴ Гузев В.Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. 1985. №2. С. 7.

Таким образом операции в сфере словоизменения приводят к окказиональному сочетанию знаков в речи, а операции в сфере лексемообразования, кроме того, что находят выражение в речи, изменяют лексический фонд языка.³⁵

В области словоизменения различают две его разновидности: формоизменение и формообразование. *Формообразование* – основная разновидность словоизменения, целью которой является репрезентация в речи какого-либо категориального значения формы. *Формоизменение* же направлено на репрезентацию не самого категориального значения, которое передает ту или иную связь между объектами, а одного из предметов, вступающего в эту связь в определенной роли.³⁶ В тюркских языках формоизменение свойственно категориям, представленным личными формами.

Морфема – минимальная монема, которая обладает грамматическим значением и является наименьшим компонентом морфологической системы. Морфемы, являясь инвентарными или фондовыми морфологическими единицами, в совокупности представляют собой фондовый уровень морфологии.

Кроме фондовых единиц в состав морфологической системы входят структурные единицы, заключающие в себе правила, модели, в соответствии с которыми совершаются операции с языковыми значениями и производятся новые лексемы, словоформы конкретных разновидностей. Структурными морфологическими единицами являются грамматические формы и категории.³⁷

Грамматическая форма – минимальная структурная единица морфологического механизма языка, представляющая собой абстракцию, в которой

³⁵ Там же. С. 8.

³⁶ Там же. С. 8-9.

³⁷ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1987. С. 40.

отражены и закреплены опыт индивида, набор правил, модель, необходимые для производства данной разновидности словоформ.³⁸

Грамматическая категория – структурная единица более высокого, чем форма, порядка, поскольку она может представлять собой совокупность форм, объединяемых или одним общим, или разными однородными, родственными грамматическими значениями. Грамматическая категория может также иметь минимальный объем, т.е. быть представленной одной формой с автономной семантикой.³⁹ Грамматические значения, которые организуют категории именуется *категориальными*. Такое определение грамматической категории во многом не соответствует общепринятым представлениям, сложившимся в европейском языкознании. Однако факты тюркской морфологии подвергают сомнению следующие выработанные прежде всего на материале флективных индоевропейских языков утверждения:

- 1) категория выделяется при наличии минимум двух обязательно противопоставленных форм, рядов форм или классов слов;
- 2) категория обязательно включает в себя ряды морфологических форм или представляет собой ряд форм;
- 3) категория распространяется на все множество элементов той части, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной;
- 4) категория обязательна, слово в тексте не может быть вне категории той части речи, в состав которой она входит;
- 5) категория всегда связана только с одной частью речи.⁴⁰

³⁸ Там же. С.40.

³⁹ Там же. С. 40.

⁴⁰ Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменяемые категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. №3. С. 22-35.

Универсальный характер перечисленных свойств грамматических категорий может быть опровергнут, в частности, на примере категории залога в современном турецком языке.

Поскольку турецкий язык является агглютинативным необходимо сказать, что агглютинация – это способ оперативно-грамматического преобразования слова путем «присоединения к концу корня или образованной от него словоформы – основы, уже включающей несколько лексемообразовательных и/или словоизменяющих показателей и *суффиксов* – морфов, которые традиционно именуются в алтаистике *аффиксами*»⁴¹. Для этих морфологических единиц характерны следующие свойства: (1) подавляющее большинство из них имеют и выражают значение какой-либо одной грамматической категории, то есть являются однозначными; (2) «подвергаются в пределах словоформы вместе с неизменяемой основой (за редкими исключениями) действию тотальных, охватывающих как гласные, так и согласные звуки (фоны) прогрессивных морфонологических ассимилятивных процессов, совокупность которых именуется сингармонизмом»⁴².

Тот факт, что система залогов признается одной из морфологических особенностей агглютинативных языков в целом, подтверждает важность изучения настоящей категории.⁴³

⁴¹ Гузев В.Г., Бурыкин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Общее и германское языкознание: К 50-летию науч. Деятельности проф. В.М. Павлова. СПб., 2007. С. 109.

⁴² Там же. С.109.

⁴³ Там же. С.114.

Подходы к интерпретации понятия «залог»

В языкознании не существует общепринятого определения категории залога. Проблема осложняется тем, что материал тюркских языков, и в частности турецкого, не всегда поддается осмыслению с точки зрения общепринятых определений, полученных в процессе изучения индоевропейских языков.

В 70-е гг. А.А. Холодовичем и И.А. Мельчуком была выдвинута универсальная концепция диатез и залогов. Она основана на гипотезе, заключающейся в том, что любой глагольной лексеме свойственна такая ролевая структура, которая остается постоянной в любой ее словоформе, обеспечивая тем самым неизменность этой лексемы. В то же время каждому синтаксическому употреблению лексемы соответствует определенная конструкция предложения, а это значит, что синтаксическое окружение различных, а иногда одной и той же словоформы данной глагольной лексемы есть величина переменная. В рамках рассматриваемой концепции был предложен термин *диатеза*.⁴⁴ Под диатезой любой глагольной словоформы понимается соответствие между совокупностью элементов семантической структуры, свойственной лексеме данной глагольной словоформы, и совокупностью элементов синтаксической структуры, входящих в ее окружение. Залог определяется как грамматически маркированная в глаголе диатеза. Таким образом, в предложенной концепции понятие диатезы является семантико-синтаксическим и универсальным – любая глагольная лексема в любом языке имеет по меньшей мере одну диатезу, а понятие залога является морфологическим и тем самым неуниверсальным – не любая глагольная лексема и не в любом языке имеет хотя бы две формально отличающиеся друг от друга словоформы, которые соотносятся с разными диатезами.⁴⁵ Сущность описанной

⁴⁴ Храковский В.С. Конструкции пассивного залога: (определение и исчисление) // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1970. С.23.

⁴⁵ Храковский В.С. Тюркский залог с позиции универсальной концепции диатез и залогов // Советская тюркология. 1989. №5. С.22-23.

концепции заключается в том, что механизм изменения диатез и залогов состоит в перераспределении синтаксических актантов относительно неизменного набора семантических актантов, а также в том, чтобы исчислить все теоретические возможные перераспределения.⁴⁶ Сходную трактовку залога с позиций формально-синтаксического подхода можно обнаружить Я.Г. Тестельца.⁴⁷

В соответствие с концепцией диатез и залогов, категорию залога в тюркских языках должны составлять «взаимоисключающие друг друга формы актива и пассива»⁴⁸, поскольку частные значения любой грамматической категории, будучи семантически однородными, не могут комбинироваться в одной словоформе. С этой точки зрения формы «рефлексива, реципрока и каузатива»⁴⁹, то есть формы возвратного, взаимно-совместного и понудительного залогов, необходимо исключить из категории залога.

Такой подход, как справедливо отмечает А.В. Бондарко, характеризуется следующими особенностями: семантика противопоставляется грамматике, в частности синтаксису; исследуемая семантика рассматривается недифференцированно. Семантический уровень трактуется как нечто целостное и единое, не учитывается необходимость разграничивать такие аспекты семантики, как языковые значения и смыслы. Отсутствие специального этапа анализа, направленного на установление различий в языковых значениях, приводит к неполноте описания. Поскольку в данной концепции фиксируются лишь различия в соответствии семантических актантов и синтаксических актантов, невозможно определить семантическое различие между активом и пассивом.⁵⁰

⁴⁶ Храковский В.С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 510.

⁴⁷ Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 411-435.

⁴⁸ Храковский В.С. Тюркский залог с позиции универсальной концепции диатез и залогов // Советская тюркология. 1989. №5. С. 25.

⁴⁹ Там же. С.25.

⁵⁰ Бондарко А.В. Проблемы теории грамматического залога // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 43-45.

Трактовка категории залога в рамках подобного подхода, как средства преобразования синтаксической структуры предложения, не отражает коммуникативного предназначения исследуемой категории. При восприятии действительности человеком один и тот же объект или ситуация могут быть рассмотрены с различных сторон, по-разному интерпретироваться, отражаться в различном мыслительном содержании. Иными словами, конкретный объект или конкретная ситуация могут соответствовать, с точки зрения коммуниканта, различным предметам высказывания, денотатам, которые, находя отражение в различных мыслительных содержаниях, соответствуют разным смыслам, различной семантике высказываний. Таким образом, активные и пассивные конструкции, относящиеся к одной ситуации и традиционно признаваемые синонимичными, передают различные смыслы. Смыслы, передаваемые указанными конструкциями, различаются тем, что представляют собой два различных суждения, поскольку у этих суждений разные субъекты и предикаты.⁵¹

В настоящей работе категория залога трактуется в рамках функционально-семантического подхода к фактам языка и речи, основные принципы которого рассмотрены во Введении работы. Проблема залога в тюркских языках широко освещена в работах многих исследователей. Существуют различные точки зрения относительно характера категории залога. Некоторые ученые трактуют залог как лексемообразовательную категорию, другие – как лексико-грамматическую, третьи – как словоизменительную.

Н.А. Баскаков относит категорию залога к сфере лексемообразования, поскольку «значения залога заключены в самой основе глагола до преобразования его в ту или иную функциональную форму». По мнению Н.А. Баскакова, каждая

⁵¹ Гузев В.Г. Значения форм страдательного и возвратного залогов. Состав категории залога (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1986. №4. С. 6.

основа глагола «вместе с основной семантикой действия имеет объективную характеристику отношения к субъекту или объекту действия», что выражается в разделении всех глаголов на переходные и непереходные.⁵² Н.К. Дмитриев также относит залоги к области лексемообразования: «В результате словообразования глаголов от глаголов возникают категории залога».⁵³

С.Н. Иванов квалифицирует категорию залога как лексико-грамматическую, разграничивая в залоговых формах лексемообразовательную (лексическую) и словоизменительную (грамматическую) сущности.⁵⁴ Л.Н. Харитонов также представляет залоги как смешанную лексико-грамматическую категорию, которая занимает промежуточное положение между категориями лексемообразовательными и словоизменительными.⁵⁵ А.А. Юлдашев считает, что необходимо рассматривать отдельно словоизменительную и лексемообразовательную функции залоговых форм, за исключением тех случаев, когда залоговые аффиксы одновременно выполняют эти две функции.⁵⁶

А.Н. Кононов в «Грамматике современного турецкого литературного языка» описывает залог как одну из словоизменительных категорий залога.⁵⁷ Э.В. Севортян интерпретирует залог как формообразовательную категорию, т.е. как одну из разновидностей словоизменительных категорий, поскольку «залоговые аффиксы не придают словам нового лексического значения, а лишь выражают специфику категории залога».⁵⁸ Кроме того, он отмечает, что если относить категорию залога к лексемообразованию, то возникает противоречие между значением данной

⁵² Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т.2. Фонетика и морфология. Ч.1. Части речи и словообразование. М., 1952. С. 333.

⁵³ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 179

⁵⁴ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч.2. Грамматические категории глагола. Л., 1977. С.6.

⁵⁵ Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.; Л., 1963. С. 11.

⁵⁶ Серебrenников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 280.

⁵⁷ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 192.

⁵⁸ Грамматика азербайджанского языка: (Фонетика, морфология и синтаксис) / Под общ. Ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортяна. Баку, 1971. С. 97.

категории и отводимым ей местом среди категорий тюркских языков.⁵⁹ А.М. Щербак в «Очерках по сравнительной морфологии тюркских языков» рассматривает категорию залога в разделе «Формы словоизменения глагола».⁶⁰

Механизм продуктивного залогообразования представляет собой сопряжение лексического значения исходной глагольной основы со служебным значением, имеющим дополнительный характер. При этом лексическое значение производной основы остается тождественным исходному. Следовательно, в семантическом аспекте, происходит типичная словоизменительная операция без каких-либо признаков словообразования. Это обстоятельство является подтверждением тому, что категория залога является словоизменительной.⁶¹

Существует необходимость отличать от словоформ в речи образования, которые изолировались от продуктивного залогового механизма, и подверглись лексикализации. Лексикализовавшиеся и по этой причине переставшие быть залоговыми образования не могут служить доказательством принадлежности категории залога к сфере лексемообразования. Повышенная (в сопоставлении с другими словоизменительными категориями) склонность залоговых форм к лексикализации также не является основанием такого мнения.⁶²

Основным аргументом лингвистов в пользу интерпретации залога, как лексемообразовательной категории служит общераспространенное убеждение, что в одной словоформе не могут сочетаться несколько показателей одной грамматической категории.⁶³ Однако это утверждение не находит подтверждения в

⁵⁹ Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1962. С. 449.

⁶⁰ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981. С. 100.

⁶¹ Гузев В.Г. Значения форм страдательного и возвратного залогов. Состав категории залога (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1986. №4. С. 11.

⁶² Там же. С. 11

⁶³ См., напр.: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1962. С. 541.

явлениях морфологии тюркских языков и не может служить доказательством лексеообразовательной природы категории залога. В турецкой речи широко используются словоформы с несколькими залоговыми показателями, при этом каждый из них сохраняет свое грамматическое значение. Также подобное явление наблюдается и в других алтайских языках суффиксально-агглютинативного типа, помимо тюркских.⁶⁴

Также мнения исследователей расходятся в вопросе относительно значения категории залога в тюркских языках. Залог трактуется как выражение в глагольной форме отношения:

- 1) действия к субъекту⁶⁵;
- 2) между субъектом и объектом действия⁶⁶;
- 3) действия к субъекту и объекту⁶⁷;
- 4) объекта и субъекта к действию⁶⁸;

5) не только субъекта и объекта к действию, но и самого действия к субъекту и объекту⁶⁹.

⁶⁴ См., напр.: Бuryкин А.А. О составе способов глагольного действия в эвенском языке и порядковых позициях показателей категориальных форм глагола в эвенской глагольной словоформе (опыт обобщения) // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. С. 29.

⁶⁵ См., напр.: Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. С. 454; Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. С. 9; Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол) С. 104; Юлдашев Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. С. 87.

⁶⁶ См., напр.: Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. С. 179; Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка С. 192; Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч.2. Грамматические категории глагола. С. 6.

⁶⁷ См., напр.: Фатыхов А.Х. Категория залога в башкирском языке: Автореферат дис. на соискание учен. степ. к. филол. н. Уфа, 1953. С. 5.

⁶⁸ См., напр.: Чарыяров Б.Ч. Категория залога в современном туркменском языке: Автореферат дис. на соискание учен. степ. к. филол. н. Ашхабад, 1955. С. 4-5.

⁶⁹ Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т.2. Фонетика и морфология. Ч.1. Части речи и словообразование. М., 1952. С. 333.

Таким образом, большинство тюркологов считают залог категорией, которая является средством передачи субъектно-объектных отношений. Однако такое отношение само собой разумеется: если в ситуации есть действие, субъект и объект, то действие всегда осуществляется субъектом и так или иначе затрагивает объект.

В настоящей работе *залог* рассматривается как словоизменительная категория глагола, выражающая ту или иную разновидность отношений между действиями и связанными с ними предметами.⁷⁰

Категория залога тесно связана с лексико-грамматической категорией переходности/непереходности. Способность глагола иметь ту или иную форму категории залога во многом зависит от того, является этот глагол переходным или непереходным. Возможность залоговых преобразований определяется семантикой глаголов: «нет ни одного залога, который охватил бы все глаголы, нет ни одного глагола, который имел бы полную залогоизменяемость».⁷¹ Между залогами существует большое расхождение по численности глагольных основ, от которых они могут быть образованы в том или ином из своих значений. Также залоговые глаголы отличаются по степени своей употребительности, которая зависит от коммуникативной значимости каждого из них.⁷² В пределах своей сферы использования каждая форма залога обладает высокой продуктивностью. Она служит для воспроизводства значения данного залога от большого количества глагольных основ современного языка. В этом отношении формы залога ничем не отличаются от любой общепризнанной грамматической категории.

Традиционно в грамматиках тюркских языков в состав категории залога включаются формы основного, страдательного, возвратного, взаимно-совместного и понудительного залогов. Однако проблему выделения основного или

⁷⁰ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 129.

⁷¹ Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958. С. 87.

⁷² Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. С. 272.

действительного залога в тюркских языках, и в частности, турецком, следует рассмотреть подробнее.

На основе опыта изучения индоевропейских языков, в тюркологии закрепилось представление о том, что глагольная форма, не имеющая залогового показателя, является формой основного залога, поскольку слово в речи не выступает без особой грамматической характеристики. На формирование представления о том, что основная форма является членом парадигмы, который имеет нулевой показатель, и противопоставляется аффигированным формам также повлиял описательный подход к фактам языка. Он предполагает построение наглядных парадигм: морфологическая категория, создается оппозицией, по меньшей мере, двух форм. Если одна из форм не имеет материального выражения, то принято говорить о нулевом показателе. Однако понятие «нулевой показатель» возникло (используется термин «функциональный нуль») в связи с функциональным подходом к фактам языка, который предполагает выяснение роли каждой формы в механизме языка для осуществления коммуникации. Отсутствие материального показателя у слова в речи не замещается значимым отсутствием, и может представлять собой отсутствие каких-либо показателей вообще.⁷³

В финитных формах глагола отсутствие показателей залога может быть воспринято как сигнал о том, что причастный к действию предмет является его производителем. То же самое наблюдается в сфере функционирования причастных форм. Наряду с этим, существуют такие глагольные формы, в которых отсутствие залоговых показателей сопряжено с отсутствием указания на характер взаимоотношения действия и предмета. Субстантивно-адъективные формы в сфере атрибутивного использования сигнализируют о том, что действие представляется

⁷³ Гузев В.Г. Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1984. №5. С. 59. - См. также: Еловков Д.И., Касевич В.Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии. С. 76.

как признак предмета, но не содержат информации о том, в каких отношениях находятся действие и предмет, например: *Söyleyecek bir şeyim yok* «Мне нечего сказать» (букв.: «У меня нет чего-либо, что можно было бы сказать»)⁷⁴ Таким образом, сама по себе глагольная основа не имеет залогового значения, и это значение привносится или не привносится в словоформу теми или иными, морфологически выраженными средствами.⁷⁵ Иными словами, основной залог, как глагольная форма, сигнализирующая об агентивных отношениях действий и предметов, в тюркских языках отсутствует, основная форма глагола лишена ожидаемого залогового значения и не может считаться залогом.

Под средним или медиальным залогом принято понимать форму, указывающую на то, что «действие, сосредоточенное в субъекте, приводит к изменениям в его состоянии».⁷⁶ Что касается вопроса о выделении медиального залога в системе турецкого языка, в настоящей работе принимается точка зрения, согласно которой, образования с медиальным значением, содержащие показатели страдательного, возвратного и взаимного залогов, рассматриваются как лексикализовавшиеся основы.⁷⁷

В настоящей работе к формам, образующим категорию залога в турецком языке, относятся взаимно-совместный, понудительный, страдательный и возвратный залогов.

⁷⁴ Пример взят из Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 131.

⁷⁵ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990. С. 51.

⁷⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 451.

⁷⁷ Гузев В.Г. Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1984. №5. С. 61-62.

Взаимно-совместный залог

Формы взаимно-совместного залога образуются посредством присоединения служебной морфемы *-İş* к основам глагола, оканчивающимся на согласную, и *-ş* к основам, оканчивающимся на гласную.

Все случаи функционирования продуктивных образований объединяются общей семантикой – указание на то, что действие, выраженное исходной основой связано не с одним, а с множеством производителей, т.е. каким-либо количеством более одного (значение формы). Значение формы передаёт две разновидности смыслов: совместность и взаимность.

Форма взаимного залога – словоизменительная форма, служащая для оперативно-грамматического (морфологического) преобразования слова в речи с целью передачи информации о том, что действие связано с каким-либо множеством производителей. Её значение – абстракция, в которой отражено и закреплено наличие у действия более одного производителя. Исходя из изложенной трактовки, можно предположить, что значение взаимно-совместного залога не содержит в себе компонента, который бы указывал на характер, структуру отношений производителей действия между собой. Следовательно, рассматриваемая форма может служить средством передачи ситуаций, в которых производители находятся в разных отношениях, например, совместно осуществляют какое-либо действие или взаимодействуют. Совместность и взаимность как формы взаимоотношений между производителями действия рассматриваются как узуальные, то есть наиболее часто выражаемые смыслы.⁷⁸

Как правило, формы взаимно-совместного залога, передающие совместность, образуются от непереходных глаголов. Рассматриваемые формы, имеющие возвратный смысл, образуются от переходных глаголов. Таким образом, формы

⁷⁸ Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 6-7.

взаимно-совместного залога, имея одно значение, в речи могут выражать два различных смысла, обусловленные различиями в семантике исходных основ, то есть теми компонентами семантики, с которыми связана непереходность и переходность глаголов.⁷⁹ Рассматриваемая залоговые форма трактуется как однозначная, но многосмысловая.⁸⁰

Примеры употребления формы с целью передачи смысла совместности:

1) Hava artık iyice kararıyordu, ama hâlâ dışarıdan futbol oynayan çocukların *bağırışır küfürleşmeleri* geliyordu (OP 54 MM) «Уже порядком стемнело, однако снаружи все еще доносились перебранка детей, игравших в футбол, и их *крики друг на друга*»;

2) Bölük pörçük görüntüler *üşüştü* zihnime (EŞ 202 A) «Отрывочные видения *теснились* в моем сознании»;

3) Ellerinde hacamat zemberekleri ile *bekleşen* gezgin berberlere, billur küreli kâhinlere ve ateş yutan sihirbazlara rastladım (EŞ 144 A) «Я встретил странствующих цирюльников с инструментами для кровопускания в руках, которые *ждали [все вместе]*, предсказателей с хрустальными шарами и волшебников, глотающих огонь»;

4) Benden biraz genç ve iddialı yeni memur Kenan ile arada bir *gülüşüp şakalaşarak* borçlular listesindeki yüze yakın adın üzerinden tek tek geçtik (OP 87 MM) «Иногда *посмеиваясь и обмениваясь шутками* с новым сотрудником Кенаном, который был немного моложе и амбициознее меня, мы, одно за другим, прошлись примерно по сотне имен, которые были в списке должников» ;

⁷⁹ Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 6.

⁸⁰ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С.133.

5) Gelin ile damat böyle bir kenara çekilip *fısıldaşırsa*, bütün düğünün keyfi kaçır (OP 136 MM) «Если жених с невестой вот так отойдут в сторонку и *будут перешептываться*, все удовольствие от свадьбы пропадет».

Примеры употребления формы для передачи смысла взаимности:

1) Fenerbahçe ikinci golü de atınca, hep birlikte ayağa kalkıp "Gool," diye bağırarak ve birbirimize sarılıp *öpüştük* (OP 53 MM) «Как только «Фенербахче» забил второй гол, мы, вскочив на ноги с криками «Гол!», бросились друг другу в объятия и *расцеловались*»;

2) El ele *tutuşur*, onların sokaklarında yürürüz (OP 517 MM) «Мы *возьмемся* за руки и пойдем по их улицам»;

3) Nefsinin ne kadar şişkin olduğunu bilmekle beraber zaviyenin ve dervişlerimin selameti için bu adamla *takışmamaya* gayret ediyordum (EŞ 70 A) «Хоть я и знал, насколько затруднено его дыхание, ради блага обители и моих дервишей, я старался *не сцепиться* с этим человеком»;

4) Aynı çatı altında yaşasak da ben hep haremlik kısmında olduğumdan, yollarımız bir türlü *kesişmiyordu* (EŞ 273 A) «Если бы мы жили под одной крышей, из-за того, что я все время в женской половине, наши пути никогда *не пересеклись* бы»;

5) Biz henüz yüz yüze *görüşmedik* bile (EŞ 325 A) «Мы даже еще *не виделись* лицом к лицу»;

6) Ben de onlara kimseyle *karşılaşıp karşılaşmadıklarını* sordum (AÜ 280 P) «Я тоже спросил у них *встретились* ли они с кем-нибудь или нет»;

7) Akkadca, o zamanların İngilizce'si gibi bir dil... Mezopotamya'da, Anadolu'da farklı ülkelerin *anlaştığı* yazı dili (AÜ 64 P) «Аккадский – язык вроде английского тех времен... Письменный язык, на котором *договаривались между собой* разные страны в Месопотамии, в Анатолии».

Взаимно-совместный залог рассматривается как словоизменительная категория на основании значения данных форм и того, что лексическое значение исходной основы в данных формах остаётся неизменным. Однако, в процессе своего семантического развития залоговые формы могут утратить свое первоначальное залоговое значение и превратиться в самостоятельные глагольные основы.⁸¹ Поскольку семантика такой основы противоречит идее множества производителей действия, представляется, что основа не связана с механизмом продуктивного залогообразования и не должна рассматриваться как залоговая форма.⁸²

Формы взаимно-совместного залога наблюдаются в глаголах, утративших семантическую соотнесенность с исходными основами: *al+ış-* «привыкать», *al-* «брать»; *çık+ış-* «журить», «делать выговор», *çık-* «выходить»; *değ+ış-* «изменяться», *değ-* «касаться»; *kalk+ış-* «приниматься», «приступать», *kalk-* «вставать», «подниматься»; *tut+uş-* «вспыхивать», «ссориться», *tut-* «держать», «хватать»; и т.д.⁸³

Примеры употребления лексикализовавшихся форм взаимно-совместного залога:

1) Bir süre sonra bu seraplara yüreğim de, aklım da *alıştı* (OP 187 MM) «Спустя некоторое время и мое сердце, и мой рассудок *привыкли* к этим миражам»;

2) "E maşallah, Pepsi, Ankara gazozu, Elvan bile var da Meltem gene yok!" diye *çıkıştı* (OP 460 MM) «Вот так так, Пепси, Анкарская газировка, даже Эльван есть, а Мельтема снова нет!» *бранился* он»;

⁸¹ Баскаков Н. А. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951 С. 9.

⁸² Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 8.

⁸³ Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч.2. Грамматические категории глагола. Л., 1977. С. 21.

3) Babam zamanımın büyük bölümünü destanlara, efsanelere ayırmamı hoş karşılamazdı ama büyükbabamla tartışmaktan kaçındığından olacak bana engel olmaya da *kalkışmazdı* (AÜ 45 P);

4) İstiraptan o kadar *değişmiş* ki, tanıyamıyorum sesimi (EŞ 130 A) «От страданий мой голос так *изменился*, что я не могу узнать его».

Понудительный залог

Глагольная форма понудительного залога образуется продуктивными морфемами -DIr и -T, которые находятся в отношении дополнительного распределения.

Значение понудительного залога представляет собой абстрактный образ, в котором отражено и закреплено отношение между действием и связанным с ним предметом, при котором предмет побуждается к совершению действия, выраженного исходной основой. Это обстоятельство свидетельствует с пользой интерпретации каузатива как залоговой формы. Значение понудительного залога в соответствии с утвердившейся в языкознании традицией целесообразно именовать «каузальным» или «причинным». Понудительный залог в тюркских языках – это морфологическое синтетическое средство, которое имеет то же коммуникативное предназначение, что и каузатив любого другого языка.⁸⁴

Формы залога со значением побуждения могут иметь широкий спектр смыслов от принуждения до попустительства.⁸⁵ Исходная основа называет конкретное действие, подвергающееся каузации. При восприятии текста коммуникант интерпретирует, осмысливает его и догадывается, какой конкретный смысл в указанном семантическом диапазоне имелся в виду коммуникантом, использовавшим данную залоговую форму.⁸⁶ Таким образом, понудительный залог трактуется как форма, которая имеет одно значение, с помощью которого она способна передавать различные смыслы.

В зависимости от коммуникативных условий и задач каузативная ситуация может передаваться с разной степенью полноты. Если есть необходимость назвать

⁸⁴ Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 10.

⁸⁵ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 134.

⁸⁶ Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 10.

предмет, побуждаемый к действию, слово, обозначающее этот предмет, может употребляться без показателя какого-либо падежа.⁸⁷ В формах понудительного залога, образованных от переходных глаголов, способность глагола иметь при себе прямое дополнение не нарушается, а предмет побуждения выражается с помощью формы дательного падежа. Если же непереходный глагол выступает в форме понудительного залога, то объект побуждения передается формой винительного падежа.

Примеры употребления форм понудительного залога с показателем -DIr:

1) Şakacı bir adam da olan Hayati Bey, bazı avcıların kapana *kıstırdıkları* aylardan söz ettikleri zevkle, sansürcülük yıllarında filmleri nasıl yasakladıklarının hikâyelerini bizleri de *güldürerek* anlatırdı (OP 368 MM) «Хайяти-бей, будучи балагуром, с удовольствием, с которым некоторые охотники говорят о медведях, которых они *поймали* в капкан, *смешил* нас рассказывая истории о том, как запрещали фильмы в то время, когда он был цензором».

2) İzmaritin onun dudaklarına değmiş ucunu, tıpkı bir yaraya dikkatle pansuman yapan şefkatli bir hemşire gibi, yanaklarıma, gözlerimin altına, alnıma, boynuma hafif hafif *dokundurdum* (OP 176 MM) «Я словно внимательная медсестра, перевязывающая рану, тихонько *водил* концом окурка, который касался ее губ, по своим щекам, под глазами, по лбу, по шее».

3) Sonra elimi beline koydum ve dans ederek hafifçe *döndürüp* onu oradan kız kaçırان bir âşığın heyecanıyla *uzaklaştırdım* (OP 157 MM) «Затем я положил руки ей на талию и, легонько *закружив* в танце, *увел* ее с волнением влюбленного, похищающего девушку».

⁸⁷ Там же. С. 10.

4) Cemiyetin bu saçma sapan kuralları kanımı *donduruyordu* (EŞ 372 A) «От этих бессмысленных правил общества я чувствовал мурашки по коже» (букв.: «Эти бессмысленные правила общества *замораживали* мою кровь»).

5) Aklımı kaçırdığımı zanneden annem hemen doktorlara *koşturdu* (AÜ 260 P) «Моя мать, которая посчитала, что я потерял рассудок, немедленно *заставила* меня бежать к докторам».

6) Bunu hissedenden Aşmunikal yüzünü iyice avucuma *bastırdı* (AÜ 152 P) «Почувствовавшая это Ашмуникал сильно *прижала* лицо к моей ладони».

Примеры употребления форм понудительного залога с показателем -T:

1) Sibel onu benim arkadaşım Mehmet ile mahsus yan yana *oturttu* (OP 126 MM) «Сибель нарочно *посадила* ее рядом с моим другом Мехметом».

2) İki yıl önce batan parasının çok az olduğunu zannediyordum, çünkü Tarık Bey kederini, acısını bana hiç *yansıtmamıştı* (OP 491 MM) «Я считал, что денег он потерял крайне мало, поскольку Тарык-бей *не позволял* своим бедам и невзгодам *отражаться* на мне».

3) Mehmet, Nurcihan'ı gazirolara götürüp ona eski şarkıları, fasıl heyetlerini *dinletiyor* (OP 353 MM) «Мехмет водит Нурджихан в казино, дает ей послушать старинные песни, ансамбли, исполняющие фасыл».

4) Aşmunikal her zaman olduğu gibi fazla *bekletmedi* beni (AÜ 334 P) «Ашмуникал, как и всегда, *не заставила* меня *ждать* слишком долго».

5) Ktır ekmekleri *kızarttı*, salatanın sosunu hazırladı Avi'nin istediği gibi bol kremalı (EŞ 339 A) «Она *поджарила* гренки, приготовила соус для салата, как и просил Ави – с жирными сливками».

6) "Sabah ezanı *ürpertti*..." diye cevap verdi Ella ve sustu (EŞ 409 A) «Меня *испугал* утренний азан», - сказала Элла и замолчала».

7) Sen git, ben de koltuğumu incir ağacının altına *koydurtur*, uzaktan sizi seyrederim (OP 287 MM) «Ты иди, а я *попрошу поставить* мне кресло под смоковницу, посмотрю на вас издалека» (в данном случае используются два показателя понудительного залога, являющиеся продуктивными).

В турецком языке имеются глагольные лексемы, в которых морфемы понудительного залога утратили продуктивность.

Непродуктивные основы с показателем -Ir: *art+ır-* «увеличивать»; *aş+ır-* «переправлять»; *bat+ır-* «топить», «губить»; *bit+ır-* «заканчивать»; *doğ+ur-* «рожать»; *doyu+ur-* «насыщать»; *duyu+ur-* «давать чувствовать», «сообщать»; *düş+ür-* «ронять»; *geç+ır-* «проводить»; *göç+ür-* «переселять», «передавать»; *iç+ır-* «поить»; *kaç+ır-* «уводить», «умыкать»; *piş+ır-* «варить»; *sız+ır-* «позволить сочиться»; *şiş+ır-* «надувать»; *taş+ır-* «позволить переживать я через край»; *uç+ur-* «пускать в полет»; *üş+ür-* «собирать толпу»; *yat+ır-* «укладывать»; *yit+ır-* «терять»;

Непродуктивные основы с показателем -Ar: *çök+er-* «заставить стать на колени»; *çık+ar-* «вынимать»; *gid+er-* «устранять»; *göç+er-* «переселять», «передавать»; *kor+ar-* «отрывать»; *on+ar-* «исправлять», «ремонттировать»;

Непродуктивные основы с показателем -It: *ak+ıt-* «проливать»; *az+ıt-* «сбивать с пути»; *çar+ıt-* «искривлять»; *kok+ut-* «наполнить запахом», «дать протухнуть»; *kork+ut-* «пугать»; *sark+ıt-* «спускать», «смешивать»; *sars+ıt-* «сотрясать»; *ürk+üt-* «тревожить», «приводить в трепет».⁸⁸

Примеры употребления словоформ с непродуктивными аффиксами понудительного залога:

⁸⁸ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 136.

1) "Nesibe Hala, takvimin yapraklarını *koparmayı* gene unutmuşsunuz," derdim ben akşamın sonunda (OP 364 MM) «Тетушка Несибе, вы опять забывали *отрывать* листы календаря».

2) Oraya erken gidip beklemenin acımı daha da *artırdığını* anlayınca, ikiye beş kaladan önce gitmemeye karar verdim (OP 164 MM) «Как только я понял, что моя боль от ожидания *усиливается*, когда я иду туда рано, я решил не приходить раньше чем без пяти два».

3) Arkadaşının gözlerindeki öfke kıvılcımları Esra'yı *korkuttu* (AÜ 299 P) «Искры гнева в глазах ее друга *напугали* Эсру».

4) O ışıқта o kadar çekici ve gizemli görünüyordu ki gözlerimi *kaçırmak* zorunda kaldım (AÜ 49 P) «В этом свете он выглядел таким привлекательным и таинственным, что мне пришлось *отвести* глаза».

Кроме функционирования производительных форм понудительного залога, материал турецкого языка предоставляет примеры залоговых образований, в которых сопряжение лексического значения исходной основы и служебного значения аффиксов служит для развития самостоятельного лексического значения.⁸⁹

⁸⁹ Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С.11.

Страдательный залог

Словоформы страдательного залога образуются путем присоединения аффиксов -II, -(I)n, -nII. Если исходная основа оканчивается на гласную или на -I, используется аффикс -(I)n, если же исходная основа оканчивается на согласную, кроме -I, то используется аффикс -II. Словоформы с аффиксом -nII, в котором совмещены оба показателя страдательного залога, образуются от основ, оканчивающихся на гласную.⁹⁰

У формы страдательного залога можно выявить два значения: собственно-страдательное и отвлеченно-агентивное, которые не удаётся свести к одному общему инварианту.⁹¹

Собственно-страдательное значение страдательного залога представляет собой абстрактный образ, содержащий информацию об отношении между действием и предметом, при котором предмет мыслится как объект прямого воздействия. В случае использования форм в собственно-залоговом значении, производитель действия может выражаться посредством послелогога *tarafından* или словоформы с аффиксом уподобительного падежа -CA.

Примеры употребления форм страдательного залога в собственно-страдательном значении:

1) *Orada boş bir arsada, kurbanlık kınalı koyunlar satılıyordu* (OP 50 MM) «Там, на пустыре, *продавались* крашенные хной бараны для жертвоприношения»;

2) 1934'te Atatürk'ün bütün Türk milletine soyadı almasını şart koşmasından sonra, İstanbul'da yeni yapılan pek çok binaya aile adları *verilmeye başlanmıştı* (OP 29 MM) «После того как в 1934 году Ататюрк поставил условием для всех турок взять себе

⁹⁰ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 138.

⁹¹ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990. С 45.

фамилию, многим вновь *построенным* в Стамбуле домам *начали давать* названия по фамилиям семей»;

3) İlahiler bitince, sarayın baş aşçısı güzelce *pişirilmiş* kurban eti ile içeri girdi (AÜ 123 P) «Как только закончились песнопения, главный повар дворца вошел внутрь с мясом жертвенного животного, *приготовленным* должным образом»;

4) Şu birkaç günde gözle *görülebilecek* kadar zayıflamış, hatta yaşlanmış gibiydi (EŞ 101 A) «За эти несколько дней он так похудел, что это *можно было заметить* невооруженным взглядом, он даже будто бы постарел»;

5) Şakayla *geçştirilemeyecek*, konuşmakla *azaltılamayacak*, paylaşmakla *hafifletilemeyecek* bu kederden, ancak sevişerek kaçabileceğimizi anladık (OP 115 MM) «Мы понимали, что от этой печали *невозможно избавиться* шутками, ее *не уменьшить* разговорами, *не облегчить*, разделив друг с другом, мы могли лишь сбежать от нее, занимаясь любовью».

Отвлеченно-агентивное значение страдательного залога, в свою очередь, несет информацию о том, что производитель действия не определен или обобщен.

Примеры употребления форм страдательного залога в отвлеченно-агентивном значении:

1) İnşaat sahasıdır. *Girilmez* (Объявление у входа на стройплощадку в Стамбуле) «Строительная площадка. Вход запрещен» (букв.: «Сюда *не входят*»)⁹²;

2) *Korkulacak* bir şey yok (AÜ 202 P) «Бояться нечего» (букв.: «Нет чего-либо, чего *могли бы бояться*»);

3) Esra yeni bir soru sormak üzereydi ki kapı vuruldu (AÜ 206 P) «Эсра почти уже было задала вопрос, когда в дверь *постучали*»;

⁹² Пример взят из Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 137.

4) «Ooo, burada kahve *içiliyor* ve bizim haberimiz yok!" diyen bir sesle bölündü konuşmaları (AÜ 118 P) «Разговоры были прерваны возгласом: «О, здесь *пьют* кофе, а мы не знали!»;

Словоформы с показателем -nII, встречающиеся в турецкой речи, могут истолковываться как средство формального отграничения страдательного залога от возвратного. Этот показатель может использоваться для передачи обоих значений, собственно-страдательного и отвлеченно-агентивного.⁹³

Примеры употребления словоформ с аффиксом -nII:

1) Osman'ın, yönetimini Kenan'a emanet ettiği Tekyay, *beklenildiği* gibi kısa sürede Satsat'ın rakibi olmuştu (OP 391 MM) «Фирма «Текьяй», управление которой Осман поручил Кенану, *никем не ожидаемо*, в короткий срок стала конкурентом «Сатсата»;

2) Bütün bu eşyalar güzeldiler, çünkü en sonunda Fusun *denilen* harika şeyin oluşmasına katkıda bulunmuşlardı (OP 182 MM) «Все эти вещи были прекрасны, потому что в конце концов они вносили свой вклад в формирование чудесного существа, которое звали Фюсун»;

3) Şimdi, halktan sıradan insanların gayet iyi bildiği bir duyguyu ilk defa tattı: Hükmeden seçkinler karşısında *yaşanılan* zayıflık hissi (EŞ 339 A) «Сейчас он впервые испытал чувство, которое довольно хорошо было знакомо простым людям из народа, - ощущение уязвимости, которое *испытывают* перед правящей элитой».

В свете сказанного, страдательный залог рассматривается как форма, имеющая два значения. Представляется, что отбор необходимого значения

⁹³ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 138.

происходит при порождении высказывания, может быть реализовано только одно из них или оба одновременно.⁹⁴

Формы страдательного залога признаются продуктивными в сфере реализации собственно-страдательного и отвлеченно-агентивного значений. Остальные образования не связаны с механизмом продуктивного залогообразования и представляют собой лексикализовавшиеся словоформы или реликтовые явления, сохранившиеся в языке с тех пор, когда у соответствующих показателей еще не сформировались перечисленные служебные грамматические значения.⁹⁵

⁹⁴ Гузев В.Г. Значения форм страдательного и возвратного залогов. Состав категории залога (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1986. №4. С. 9.

⁹⁵ Там же. С. 10.

Возвратный залог

Формы возвратного залога образуются путем присоединения аффикса –(I)n к основе глагола. Следовательно, страдательный и возвратный залоги имеют частично совпадающие механизмы образования. Таким образом, словоформы с аффиксом –(I)n могут репрезентировать в речи значения обоих залогов.⁹⁶

Значением формы возвратного залога является абстрактный образ, в котором закреплено указание на наличие между действием и его производителем какой-либо дополнительной связи, кроме агентивной. При этом указанное значение индифферентно к характеру этой связи, и, по-видимому, крайне абстрактно. В качестве смыслов значение форм возвратного залога может передавать прямо-возвратное, косвенно-возвратное отношения между действием и его производителем, а также иную связь, к которой не применим термин «возвратный».⁹⁷

Примеры передачи прямо-возвратных смыслов (предмет производит действие, где прямым объектом является он сам):

1) Kadın oyuncunun biraz açılıp *soyunması* gerekiyor (OP 427 MM) «Актрисе нужно будет *раздеться*»;

2) Hemen *giyinip* aşağı indim (OP 534 MM) «Тотчас *одевшись*, я спустился вниз»;

3) Çırpıntılı denizin içinden büyükçe bir dalga Füsün'u sallayarak şaşırtınca küçük bir çığlık attı, sonra bana *tutunmak* için kolunu boynuma, omzuma sardı (OP 485 MM) «Испугавшись того, что довольно большая волна из глубины волнующегося моря

⁹⁶ Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990. С. 46.

⁹⁷ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015. С. 139.

подтолкнула ее, Фюсун коротко вскрикнула, а затем, для того, чтобы *держаться* за меня, она обхватила руками мою шею и плечи».

Примеры передачи косвенно-возвратных смыслов (действие не прямо, а косвенно затрагивает производителя или находится с ним в какой-либо иной связи помимо агентивной):

1) “Bu ne bedbinlik!” diye *söylendi* kadıların kadısı (EŞ 71 A) «Что за пессимизм!», - пробормотал (сказал про себя) один из кадиев»;

2) Dışarıda güneş batıyor, gökyüzü kızılın ve turuncunun tonlarına *boyanıyordu* (EŞ 78 A) «Снаружи садилось солнце, небо *окрашивалось* в оттенки красного и оранжевого»;

3) Geri döndüğünde beter arkadaşlar ve daha beter huylar *edinmiş* olarak geliyordu (EŞ 155 A) «Когда он возвращался назад, он приходил, *обзаведясь* плохими друзьями и еще худшими повадками»;

4) Babam son zamanlarda pek çok düşman *edinmişti*, hepsi de Şems yüzünden (EŞ 349 A) «В последнее время отец *нажил себе* много врагов, и все из-за Шемса».

Примеры передачи прочих возвратных смыслов:

1) Evet, seni aramak yerine bir süre orda burda gezindim (EŞ 358 A) «Да, вместо того, чтобы искать тебя, я какое-то время *прогуливался* туда-сюда»;

2) Uyanan çocuklar az önce benim kapıldığım şaşkınlığı yaşayarak, iri iri açılmış gözlerle etrafa *bakıp* neler olduğunu anlamaya çalışıyorlardı (AÜ 281 P) «Проснувшиеся дети, переживая удивление, завладевшее мной чуть раньше, *оглядывались* вокруг широко открытыми глазами и пытались понять, что произошло».

Заключение

В настоящей работе с позиций функционально-семантического подхода была рассмотрена система залогов современного турецкого языка. Проведенный анализ залоговых форм позволяет сформулировать общие выводы, относящиеся к исследуемой категории.

Формы взаимно-совместного, понудительного, страдательного и возвратного залогов объединяются в категорию залога на основе их родственных категориальных значений. Каждое из значений представляет собой абстрактный образ, в котором закреплена одна из пяти разновидностей связи действий с предметами.

Коммуникативная функция залогов заключается в том, что посредством соответствующих словоформ они сигнализируют о наличии у действия, выраженного исходной основой глагола, какой-либо из пяти разновидностей связи.

Категория залога является словоизменительной, поскольку при образовании залоговых словоформ происходит сопряжение лексического значения исходной основы со служебным, при этом лексическое значение остается неизменным.

Помимо залоговых словоформ в речи существуют лексикализовавшиеся образования, которые не относятся к механизму продуктивного залогообразования.

В свете изложенного залоговые формы представляют собой морфологические средства передачи той или иной разновидности отношений между действиями и связанными с ними предметами.

Список сокращений

AÜ P Ahmet Ümit. Patasana. 1. Baskı. İstanbul, 2000.

EŞ A Elif Şafak. Aşk. 183. Baskı. İstanbul, 2009.

OP MM Orhan Pamuk. Masumiyet müzesi. 2. Baskı. İstanbul, 2008.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - 2-е изд., стер. - Москва: Сов. энциклопедия, 1969. - 607 с.
2. Баскаков Н. А. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951. – 32 с.
3. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т.2. Фонетика и морфология. Ч.1. Части речи и словообразование. М.: изд-во АН СССР, 1952. 532 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1-2. М., 1963. 392 с.
5. Бондарко А.В. Теория значения и трактовка категории залога // Проблемы теории грамматического залога / АН СССР. Ин-т языкознания. Ленингр. отд-ние; отв. ред. В.С. Храковский. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. - 288 с.
6. Бурыкин А.А. О составе способов глагольного действия в эвенском языке и порядковых позициях показателей категориальных форм глагола в эвенской глагольной словоформе (опыт обобщения) // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Материалы междунар. науч. конф., Санк-Петербург, 22-24 сент. 2003 г / Отв. ред. В.С. Храковский. - СПб: Наука. Фил., 2003. - 179 с.
7. Грамматика азербайджанского языка: (Фонетика, морфология и синтаксис) / Под общ. Ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортяна; АН АзССР. Институт языкознания. - Баку: Элм, 1971. - 413 с.
8. Гузев В.Г. Значения форм страдательного и возвратного залогов. Состав категории залога (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1986. №4. С. 5-12.
9. Гузев В.Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. 1985. №2. С. 3-11.

- 10.Гузев В.Г. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. №4. С. 3-11.
- 11.Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя: (На материале староанатолийско-тюркского языка) / ЛГУ им. А.А. Жданова. - Л: Изд-во ЛГУ, 1987. - 141 с.
- 12.Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол: (На материале староанатолийско-тюркского языка) / ЛГУ. - Л: Изд-во ЛГУ, 1990. - 164 с.
- 13.Гузев В.Г. Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1984. №5. С. 59-63.
- 14.Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / В. Г. Гузев; С.-Петербургский государственный университет. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. - 319 с.
- 15.Гузев В.Г., Бурыкин А.А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Общее и германское языкознание: К 50-летию науч. Деятельности проф. В.М. Павлова. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007. С. 109-117.
- 16.Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. №3. С.22-35.
- 17.Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
- 18.Еловков Д.И., Касевич В.Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии // Вестник ЛГУ. 1979. №8. С. 71-77.

- 19.Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч.2. Грамматические категории глагола. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. 87 с.
- 20.Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. - Москва; Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. - 569 с.
- 21.Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине; пер. фр. В.В. Шеворошкина под ред. и со вступ. ст. В.А. Звегинцева. - Изд. 3-е. - Москва: УРСС ЛИБРОКОМ, 2009. - 221 с.
- 22.Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Под ред. Ю.Г. Косарева. - Москва: Сов. радио, 1978. - 368 с.
- 23.Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования / Академия наук СССР. Институт языкознания. - Москва: Издательство восточных литератур, 1962. - 643 с.
- 24.Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / АН СССР, Институт языкознания. - 2-е изд., испр. и доп. - М: Наука, 1986. - 301с.
- 25.Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр; Пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича. - Москва: Прогресс, 1977. - 695 с.
- 26.Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. - М: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. - 796 с.
- 27.Фатыхов А.Х. Категория залога в башкирском языке: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Башк. гос. пед. ин-т им. К.А. Тимирязева. Кафедра башк. яз. - Уфа, 1953. - 15 с.
- 28.Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке / Академия наук СССР. Якутский филиал Сибирского отделения. Институт языка,

- литературы и истории. - Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1963. 126 с.
29. Храковский В.С. Конструкции пассивного залога: (определение и исчисление) // Категория залога: Материалы конференции / АН СССР. Ин-т языкознания. Ленинградское отделение. - Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1970. С.
30. Храковский В.С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Редкол.: В.С. Храковский и др. - М: Знак А. Кошелев, 2004. С. 505-519.
31. Храковский В.С. Тюркский залог с позиции универсальной концепции диатез и залогов // Советская тюркология. 1989. №5. С. 20-25.
32. Чарыяров Б.Ч. Категория залога в современном туркменском языке: Автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т языка и литературы. - Ашхабад, 1955. - 16 с.
33. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). - Л: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 183 с.
34. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке / Академия наук СССР. Институт языкознания. Башкирский филиал. Институт истории, языка и литературы. - Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. 195 с.